

С.И. Ковальская
**Религиозные практики казахов
начала XX в.: новые источники
и интерпретации**

На территории Казахстана издревле сосуществовало множество религиозных систем — зороастризм, буддизм, христианство, несторианство, манихейство, тенгрианство, ислам, суфизм — что, в свою очередь, обусловило такую характеристику традиционной ментальности казахов, как толерантность. Современная религиозная ситуация имеет тенденцию к усложнению, так как к традиционным религиозным конфессиям активно добавляются нетрадиционные религиозные течения.

Религиозные практики включают в себя ряд действий и событий, инициируемых религией с целью приобщения новых людей и повышения уровня информированности уже приобщенных. В начале XX в. религиозная ситуация на территории Казахстана характеризовалась разнообразием религиозных практик. Это было связано с существенным изменением этнодемографической составляющей населения Казахстана. Расселение на территории Казахстана различных этносов приводило к усложнению конфессиональной картины. При этом сами казахи в данный период переживали этап стремительного роста национального самосознания, которое в первую очередь опиралось на религиозную основу. Ислам для тюрко-мусульман Российской империи в начале XX в. стал не только признаком этничности, но и средством борьбы за политические и гражданские права. При этом нельзя утверждать, что ислам был единственной формой религиозного самосознания казахов. Во-первых, параллельно сосуществовал значительный пласт традиционных верований типа тенгрианства. Во-вторых, несмотря на то, что уже к XVIII в. большие тарикаты исчезли, суфийские идеи и настроения были весьма популярны в казахской обрядовой культуре и литературе. И, в-третьих, очень небольшая часть казахов уже испытала на себе воздействие христианской культуры, что было следствием проявления государственной политики христианизации казахов, которая в целом

не принесла желаемых результатов. При этом отдельные жизненные примеры демонстрируют нам самостоятельную модель и стратегию поведения, зависимую не от власти и государственной политики (так, выбор в пользу христианства зачастую имел под собой исключительно прагматические цели).

В данной статье мы как раз и попытаемся выявить различные религиозные практики казахов начала XX в., опираясь на уникальный источник, хранящийся в фондах Государственного архива Оренбургской области. Изучив описи 175 Фонда Оренбургского Епархиального комитета православного миссионерского общества, нам удалось обнаружить интереснейшие Отчеты о деятельности противомухамедовской миссии в Тургайской области, а также дневники священников и дьяконов. Среди них — дневник дьякона Павла Николаева и священника Александра Иваншина из Макарьевского миссионерского стана, рапорт священника Вячеслава Аманатского, священника Александра Серебрянникова, дневник миссионера-сотрудника священника Введенского прихода Кустанайского уезда Ильи Пикашкина за 1903 г., дневник священника Георгиевской церкви г. Тургая Алексея Киячкова за 1902, 1903 и 1906 гг. Данные дневники вызывают огромный интерес с точки зрения изучения истории и культуры Казахстана в указанный период. В дневниковых записях перечисленных священников содержатся описание обычаев и обрядов, интереснейшие характеристики национальных характеров казахов и русских, также нашли отражение проблемы образования и религиозной ситуации среди казахов, проблемы землепользования, взаимоотношений с переселенцами, степени толерантности по отношению к друг другу и многие другие вопросы.

При анализе дневников любого характера в качестве исторического источника необходимо ответить на три вопроса: кто автор; с какой целью писался данный дневник, для того чтобы выявить причины его создания и первоначальную функцию; а также определить, предназначался ли дневник для последующей литературной обработки и публикации или нет. Ответы на данные вопросы и определяют степень источниковой значимости, а следовательно — перспективы их использования в исторических исследованиях. Значение дневниковых записей как источника можно определить степенью осознания автором собственного «Я» в системе межличностных и общественных отношений; синхронностью языка событию; фиксацией впечатлений автора непосредственно в ходе и вслед за свершением события, что характеризует данный вид источника как автокоммуникативный. Дневники священников постепенно становятся объектом пристального изучения историков в рамках социальной, повседневной или устной истории. Среди российских авторов можно назвать Т.Г. Леонтьеву, поднявшую пробле-

му особенностей жизни и переживаний сельского священника, а также В.А. Бердинских, вызвавшую интерес к приходскому духовенству как активному субъекту в развитии краеведения XIX в. [Леонтьева, 2000, с. 34–56; Бердинских, 1998, с. 134–138]. В казахстанской исторической науке данный вид источников стал предметом научного исследования совсем недавно.

Все перечисленные выше дневники имеют различную степень источниковедческого накопления. Например, «Дневник миссионерских разъездов по окрестным по приходу заимкам и поселкам священника Александра Серебрянникова» представлен всего на двух маленьких листочках, на которых приведена таблица мест, которые посетил данный священник, причем практически без всяких комментариев [ГАОО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 25а. Л. 39–40]. Дневник Павла Николаева отличается тем, что дьякон много пишет по-казахски кириллицей, видимо, хорошо зная язык. Автор дает перевод различных фраз и пытается их толковать. Основной материал дневника касается миссионерских бесед, споров вокруг Корана и Евангелия и т.п. [ГАОО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 28].

В дневнике священника Ильи Пикашкина мы встречаем характеристику бесед с одним из казахов, по имени Карабай. Беседа ведется вокруг главной проблемы для Карабая — отсутствия внука и необходимости новой жены для сына. Такая доверительность в беседе, видимо, вызвана тем, что сам Карабай был тамыром священника, о чем последний пишет на страницах своего дневника [ГАОО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 28. Л. 139–143]. При этом уговоры И. Пикашкина отказаться от многоженства терпят фиаско, так как Карабаю нужен внук, и он вовсе не собирается мириться с его отсутствием. При этом, признавая степень исламизации казахов, беседуя на предмет знания Священной книги мусульман, священник отмечает, что «незнание Корана присуще всем киргизам» [ГАОО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 28. Л. 139–143].

Особое внимание в данной статье будет уделено дневниковым записям священника А. Киячкова, так как широта проблематики, информационная насыщенность его дневников, наличие собственного мнения и оценки по каждому из описанных событий или фактов, яркость и образность языка — все вместе вызывает огромную симпатию к автору. В его дневниках мы находим характеристику особенностей мусульманского паломничества среди казахов, исполнение основных религиозных норм и требований веры, а также трудности и препятствия на этом пути. Кроме того, автор уделяет внимание анализу степени распространения суфизма среди казахов, поднимает вопрос и о новокрещенных казахах, а также многие другие аспекты темы.

Что касается детальных характеристик личности священника Алексея Киячкова, то пока мы не располагаем о нем какими-либо подробными сведениями. Нам известно только, что он являлся свя-

щенником Георгиевский церкви г. Тургая в начале XX в. и совершал инспекционные поездки, иногда в 500–600 верст. Священник отмечал, что «малые беседы и разговоры по религиозным вопросам приходится вести каждую неделю, а то и по несколько раз в неделю, при всяком удобном житейском случае» [ГАОО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 40. Л. 15]. Возможно, по мере дальнейшей разработки проблемы нам удастся подробнее восстановить факты его биографии.

Весь материал, сосредоточенный в его дневниках, можно условно разделить на пять групп: 1) мусульманство среди казахов; 2) характеристика общественно-политической ситуации в Российской империи и ее влияние на ситуацию среди казахского общества; 3) влияние русского языка, образования и православной религии на казахскую культуру, в том числе проблемы новокрещенных казахов; 4) земельный вопрос и отношения с переселенцами; 5) характеристики, данные казахами и русскими в отношении друг друга, и их взаимоотношения.

Можно сказать, что основной темой дневников А. Килячкова является характеристика ислама среди казахов, чему он посвятил немало страниц, подчеркивая при этом, что «Киргизы горой за религиозное воспитание и говорят, что сначала надо научить детей киргизскому закону, а потом отдавать в русскую школу» [ГАОО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 40. Л. 2].

В дневниках приводится немало имен казахов, совершивших хадж. Эти данные помогут постепенно выявить количество, а также социальный статус казахов, посетивших Мекку в дореволюционный период. При этом автор пишет, что хадж могли совершить богатые и знатные, Оспан Чулаков, например. «Поехали известные муллы — Оспан Утеев Макаринской волости, Жалялядин Сатыбалдиев сын умершего ишана Сатыбалды Кара-Тургайской волости» [ГАОО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 25а. Л. 24]. При этом автор искренне удивляется, что, например, купец из Троицка Абдулла Яушев — кутил, играл в карты, Богу не молился и вдруг тоже отправился в Мекку. Причем, все те, кто не отличался богобоязненностью и уважением, по возвращении из Мекки, по словам А. Килячкова, вели себя чуть ли не как самые почетные граждане. Например шестидесятилетний Тасберген, богатый человек, владелец 300 лошадей, особым уважением не пользовался, а побывал в Мекке — почет и уважение, поклоны и лесть, ходжа! Над Таюкой все смеялись, что поехал в Мекку замаливать грехи. Вернулся — все ему бьют поклоны, а сам он ведет себя как султан [ГАОО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 28. Л. 131].

Отмечая, что паломничество казахов Тургайского уезда в Мекку с каждым годом все увеличивается, А. Килячков объясняет эту растущую тенденцию двумя способами: религиозной потребностью и тщеславием. «Киргизы народ тщеславный; любит, чтобы его хвалили и уважали, а паломников (хажей) киргизы уважают, любят... как людей богомольных, а им это и нужно» [ГАОО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 28. 131–132].

Вопрос финансирования хаджа решался за счет рода и членов семьи, поэтому совершить хадж могли люди и совсем небогатые, а то и вовсе бедные, так как дающие надеялись, что хаджи помолятся за них в Мекке. Сумма, необходимая для хаджа, могла колебаться от 300–600 до 1100–1200 рублей.

В своем дневнике за 1903 год А. Килячков больше пишет о муллах, отмечая при этом, что многие не могут передать смысл молитв, так как просто заучивают их наизусть. Опять вспоминает о Сатыбалды и о том, что он ввел новый обычай за неделю до уразы несколько фанатично настроенных лиц поселять в мечети, где они не могли общаться и не принимали вместе пищу. По мнению А. Килячкова — это был почти «монастырь по-мусульмански» [ГАОО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 28. Л. 128].

В то же время из дневника священника Килячкова мы узнаем и об образованном мулле, чье серьезное отношение к исламу вызывает уважение у священника. «...Султан мне сообщил, что он недавно видел одного ученого молодого киргиза по имени Абдрахман Муртазин. Ему всего 20 от роду, или 22, не более. Учится он в Троицке. Хорошо говорит по-арабски, Коран знает прекрасно. Развит всесторонне. Имеет много книг. Думает поехать учиться в Аравию и изучить все, что относится к мусульманству. Знает многое и о св. Евангелии Господа нашего Иисуса Христа. Муртазин выглядит серьезным человеком, посвятившим себя мусульманской науке и образованию вообще. Султан сообщил мне, что Абдрахман впечатление произвел очень хорошее и далеко-де пойдет. Просил я султана пригласить к себе Абдрахмана и дать знать мне, но встретить его мне не удалось нигде. Наводили справки, в городе не оказалось» [ГАОО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 28. Л. 133].

Отдельно характеризует автор уразу как один из главных постулатов ислама. «Ни один год ученики 2-классного училища не держали уразу, но в 1906 году заявили, что ныне желают. Собрали экстренное собрание, весь учительский персонал и я. Говорили, что в училище это делать трудно, т.к. прислуги особой нет, которая бы ухаживала ночью за ними, варили и кормили их. Позвали повара и сторожа, те согласились и ночью кормить учеников. Оказалось, что ученики их подговорили. Потом стали уговаривать учеников младших отделений, что у них не будет сил заниматься от уразы, но и они сказали, что от больших учеников не отстанут и уроки будут хорошо учить — наш Бог в этом помогает. Стали говорить, что ведь вы не по своей воле не будете держать уразу, а по нашему желанию, но и на это мы согласились. Так принудительно мы были вынуждены уступить ученикам» [ГАОО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 40. Л. 14об.–15].

Подробнейшим образом священник описывает особенности проведения зикра у казахов, отмечая, что таковой проводится в Тургайской области только на Батпак-Каре. Ввел данный обычай ишан Сатыбал-

ды, заимствуя его из Бухары. После смерти ишана продолжил руководить зикром его сын. В процессе обычно принимает участие человек 40–50, и, по мнению священника, зикр очень нравится казахам. Впечатление же самого автора от зикра было удручающим и тягостным: «Входим, о, ужас! Шум, крик, зов, слышны дикие голоса, то грубые, то хриплые, то визгливые на распев. Мы оторопели. На что боек писарь, и тот попятился, струсил. Впечатление от крика было такое, что описать трудно... становится жутко, берет робость, страх, так и думается, что ты стоишь у толпы сумасшедших человек... В центре круга лежал человек, кричали какие-то слова из Корана, слышны слова Алла-Алла, Алла-гу, под темп та-та-та. Моление дошло до ужасного: молящиеся сбрасывали с себя одежду, падали, тот, кто не мог, крутил головой. Мулла имел бесноватый вид. Глаза красные, потный, лицо исковеркано. Ужас смотреть было на него... Зикр закончился все встали, оделись и разошлись» [ГАОО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 25а. Л. 34]. Безусловно, данные материалы крайне важны в современном процессе изучения исламизации казахов и степени влияния на данное явление как доисламских верований, так и суфийских представлений.

А. Килячков уделяет внимание и проблемам новокрещеных казахов, подчеркивая, что казахское общество в целом крайне негативно относилось к таковым. Сами новокрещеные, по мнению А. Килячкова имеют весьма поверхностный взгляд на христианскую веру, мало того, они перенимали и вредные привычки и обычаи у русских — пить с радости и с горя, в силу мягкости и беспечности характера.

Вторит ему священник Макарьевского миссионерского стана Александр Иваншин: «В нравственной жизни новокрещеные проявляют крупные недостатки из них можно отметить: буйство и разлад в семье, буйство и разлад в обществе, обман и пьянство. Последнее развито особенно сильно: выпивками сопровождается семейная радость, удача... Причинами таких печальных явлений, темных сторон в религиозно-нравственной жизни новокрещеных киргиз должно признать: 1) поверхностный взгляд на христианскую веру и ее требования. Многие возвышенные истины христианства остаются для них непонятными; не сознается важность исполнения того или другого христианского требования, а также и то, на сколько несовместимы с христианскими требованиями такие привычки и обычаи, которые унаследовали или переняли от других; 2) пагубное влияние русских своим обычаем пить с радости и горя, при различных сделках; 3) частая вражда по земельному вопросу с жителями поселка Михайловского; 4) разобщенность новокрещеных, собранных от всех сторон Киргизии; 5) природная мягкость и беспечность, пристрастие к укоренившимся привычкам, требующих немало усилий, чтобы искоренить их. Вследствие таких причин в материальном отношении многие новокрещеные убоги, всегда нуж-

даются в материальной поддержке или хлебом или деньгами» [ГАОО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 28. Л. 56–57].

Вот что мы читаем в дневнике А. Киячкова: «Он спросил о крещеном казахе Николае Степнове. Они сделали вид, что не знают, но на теоретический вопрос об отношении к крещеным казахам сказали — убьют. Разговор им явно не нравился» [ГАОО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 28. Л. 132]. Ответ сам говорит за себя.

Николай Степнов — не кто иной, как Алиби Джангильдин (1884–1953). Имя Николая Степнова станет революционным псевдонимом этого неординарного человека. Алиби еще в юности принял христианство. С тех пор он стал обладателем двух имен: Николая Степнова и Али-бей (Алиби) Джангильдина. Алиби Тогжанович Джангильдин в 1903 г. окончил Оренбургское духовное училище, потом учился в Казанской учительской семинарии, в Московской духовной академии (1903–1906). В семье Барабашей, где он воспитывался, Алиби после крещения звали Николаем Владимировичем Степных [Семенов, Семенова, 1999, с. 305]. Сам Яков Федорович Барабаш — бывший оренбургский губернатор и наказной атаман Оренбургского казачьего войска.

С фотоаппаратом Алиби Джангильдин прошел более 15 тысяч километров по странам Европы, Ближнего Востока, Африки, Азии — за что его даже прозвали «казахский Марко Поло». Специальная книжка участника кругосветного путешествия международного образца была оформлена на имя Николая Степнова, где написано: «Н. Степнов, он же Али-Бей Джангильдин, участник кругосветного путешествия без средств». Эта книжка и еще фотоаппарат давали возможность Алиби добывать средства на пропитание в пути. Впоследствии, преследуемый колониальными властями за антиправительственную агитацию, Алиби Джангильдин летом 1913 г. переехал в Крым, а 1915 г., находясь по делам службы в Петрограде, вошел в большевистское подполье. В годы революции выполнял обязанности полномочного представителя Советского правительства в Степном крае. Можно сказать, что он стал первым казахом-коммунистом.

В своем дневнике А. Киячков описывает, как Н. Степнов ведет себя в казахском ауле среди родных и затем среди российского чиновничества. Это две разные модели поведения — от одежды и внешнего вида в целом до выбора и признания Бога. «Степнов очень опасался, — пишет А. Киячков, — как бы киргизы, узнав о его крещении, не наделали ему больших неприятностей» [ГАОО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 28. Л. 133–135]. По окончании рассказа о Степнове священник заключает, что хорошим православным он не будет.

А. Киячков отдельно выделил перечень вопросов веры, с которыми казахи обратились к министру. В целом было сообщено, что им нет свободы в поступлении в мечети и медресе, казахи просили своего

муфтия, указных мулл, жаловались, что местное начальство вмешивается в их брачные дела, что были случаи, когда начальство требовало присутствия на утренних и вечерних молитвах русских учеников, что давали читать книги, переведенные на киргизский язык (Священная история, жизнь святых и др.). Это-де велось в целях обрусения киргизских мальчиков. «Министр и руками развел... Нарисовали страшную картину посягательств на веру. Там, видимо, всему поверили, пишет автор» [ГАОО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 25а. Л. 8–9]. Требование религиозной свободы чуть позже было четко зафиксировано в петициях байских съездов, а затем проекте программы партии Алаш.

Таким образом, дневники священников, помимо прочего, позволяют нам выделить существующие религиозные практики казахов начала XX в., среди которых ислам, суфийские практики и, значительно реже, христианство. Публикация данных дневников существенно расширит источниковую базу изучения религиозной ситуации в Казахстане начала XX в., что, в свою очередь, будет способствовать углублению наших знаний по столь актуальной теме исследования.

Источники и литература

ГАОО — Государственный архив Оренбургской области.

Леонтьева, 2000 — *Леонтьева Т.Г.* Жизнь и переживания сельского священника (1881–1904 гг.) // Социальная история. Ежегодник 2000. М., 2000. С. 34–56.

Бердинских, 1998 — *Бердинских В.А.* Приходское духовенство и развитие краеведения в XIX в. // Вопросы истории. 1998. № 10. С. 134–138.

Семенов, Семенова, 1999 — Губернаторы Оренбургского края / Сост. В.Г. Семенов, В.П. Семенова. Оренбург, 1999.